

Раднмъ. Мнмвснр. оузн. 1882. окт.

Геоуъ-Тэпе.

ъ Азіи, за Каспійскимъ моремъ, по безплодной степи, лежащей на границѣ съ Персіей, шелъ большой караванъ съ товарами въ Бухару. И люди, и животныя изнемогали отъ страшнаго жара, доходившаго до 45°. По временамъ, по пустынѣ проносился легкій вѣтерокъ; но онъ не могъ освѣжить, такъ какъ былъ совсѣмъ горячій и обдавалъ путниковъ массой тончайшаго раскаленнаго песку, который проникалъ въ поры тѣла, затруднялъ дыханіе и увеличивалъ и безъ того нестерпимый зной. Хоть бы деревцо попало на дорогѣ, хоть бы самый скудный источникъ воды, чтобы можно было освѣжить пересохшее отъ жара и пыли горло! Но передъ воспаленными глазами одни свѣтло-сѣрые солончаки, мѣстами покрытые горами песку; только кой-гдѣ попадаются тощіе кусты полыни, любимой верблюдами колючки, саксаула, служащаго топливомъ всѣмъ кочевникамъ пустыни — и ничего болѣе! Терпѣливые верблюды мѣрно выступаютъ по твердой, какъ камень, растрескавшейся отъ зноя почвѣ; а въ глубокихъ трещинахъ ея гнѣздятся змѣи, ящерицы, скорпіоны, фаланги и тарантулы и ждутъ своихъ жертвъ.

«Аллахъ, спаси хоть отъ урагана!» шепчуть несчастные купцы запекшимися отъ жажды губами. Дѣйствительно, что можетъ быть ужаснѣе степи во время бури, когда свирѣпый вѣтеръ съ воемъ носится по ней, подымая въ воздухѣ цѣлыя облака песку, который хлещетъ въ лицо, забивается въ уши, глаза и носъ, а иногда и совсѣмъ засыпаетъ своими волнами сбившійся съ пути караванъ! Неприглядна степь во всѣ времена года: въ дождливое время солончаки превращаются въ липкую грязь, въ которой вязнуть повозки и верблюды; зимой, при утреннихъ морозахъ, вся степь покрывается тонкимъ слоемъ соли, которая таетъ въ полдень и дѣлаетъ скользкимъ верхній слой глины. Эта бесплодная почва, при самой тщательной обработкѣ, ничего не можетъ дать человѣку, кромѣ соли и нефти.

На этотъ разъ молитва персидскихъ купцовъ была услышана: урагана не было. Передовой верблюдъ повелъ длинной шеей и, крикнувъ пронзительнымъ, непріятнымъ голосомъ, свернулъ на западъ. О, счастье, вода близко! Весь караванъ направился за вожакомъ туда, гдѣ на горизонтѣ виднѣлись горы. Скоро прелестная картина представилась взорамъ путниковъ, утомленныхъ однообразіемъ пустыни. Въ тѣни ущелья раскинулась группа кипарисовъ и гребенщика, а не вдаль, съ пріятнымъ журчаньемъ струился родникъ, защищенный отъ жгучихъ лучей солнца высокими камышами. По краямъ родника остались слѣды разныхъ звѣрей: это джейраны, туры и кабаны приходили сюда на водопой; забѣгалъ, быть можетъ, и кровожадный тигръ. Но путники ничего этого не видали; они не замѣтили даже, что здѣсь было не мало также лошадиныхъ и

человѣчьихъ слѣдовъ; не до того имъ было; они боялись одного: не померещилась ли имъ эта очаровательная картина? Ну, какъ вдругъ опять предстанетъ передъ глазами открытая степь! Но нѣтъ; вонъ, одинъ персъ уже соскочилъ съ верблюда и жадно пьетъ холодную, свѣжую воду. «Слава Аллаху», набожно твердятъ путешественники и весело располагаются на отдыхъ. Скоро жаркій день смѣнился темной, холодной ночью. Персы зажгли костры для защиты отъ дикихъ звѣрей и легли спать, рассчитывая на разсвѣтъ снова пуститься въ дорогу, чтобы скорѣе добраться до Бухары, и только при верблюдахъ оставили караульных; но тѣ, утомленные тяжелымъ днемъ, пригрѣтые огнемъ костра, скоро заснули крѣпкимъ, беззаботнымъ сномъ. Кому было замѣтить, что за караваномъ все время слѣдитъ изъ чащи камыша пара горящихъ, какъ у волка, глазъ? Никто не слышалъ легкаго шелеста травы, когда какая-то фигура выползла изъ-за утеса, за ней другая, еще и еще... Онѣ тихо, тихо подвигались къ спящимъ... и вдругъ пламя костровъ освѣтило ихъ. Это были люди огромнаго роста, красивые, сложенные атлетами, обвѣшанные оружіемъ. Рукава ихъ одежды засучены, въ зубахъ у каждаго большой ножъ, что придаетъ ихъ свирѣпымъ лицамъ еще болѣе ужасное выраженіе. Одинъ изъ несчастныхъ персовъ открылъ глаза въ ту минуту, когда надъ нимъ уже поднялась безпощадная рука съ блестящимъ ножомъ. «Тэкинецъ!» едва успѣлъ прошептать несчастный, — и это было его послѣднее слово. Разбойникамъ-тэкинцамъ незнакомо чувство состраданія; не прошло и пяти минутъ, какъ весь караванъ былъ перерѣзанъ и восходящее

солнце освѣтило страшную картину: вокругъ потухшихъ костровъ лежали въ разныхъ положеніяхъ совершенно раздѣтые трупы, а вдали виднѣлась шайка грабителей, гнавшая тяжело навьюченныхъ верблюдовъ. Они направлялись къ занимаемому ими оазису — такому прелестному уголку, что не хотѣлось вѣрить, чтобы его населяли подобные изверги. Кругомъ обширныя поля, покрытыя голубыми цвѣтами юнжи (родъ клевера), желтой пшеницей и джугуррой. Среди роскошныхъ фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ живописно выдѣляются глиняныя укрѣпленія и сѣрыя кибитки дикарей. У нихъ нѣтъ ни городовъ, ни мечетей; лѣто они кочуютъ по степи и пасутъ тамъ свои стада, а зиму проводятъ въ оазисѣ, не зная инаго жилища, кромѣ войлочной кибитки. Почва въ тэкинскомъ оазисѣ удивительно плодородна; но дикари не занимаются ею, предпочитая покупать хлѣбъ въ Хивѣ. Когда имъ рыть колодцы и проводить искусственное орошеніе! Въ то время, какъ ихъ красивыя, обвѣшанныя золотомъ и серебромъ женщины, ткуютъ свои знаменитые ковры и ведутъ, съ помощью рабовъ, домашнее хозяйство, мужчины все время проводятъ въ грабежахъ и разбояхъ, т. е. «алламанятъ».

Тэкинецъ почти не слѣзаетъ съ своей превосходной лошади, украшенной дорогой сбруей, и любитъ ее наравнѣ съ семьей. Тэкинцы отлично стрѣляютъ и еще лучше владѣютъ холоднымъ оружіемъ. Соберется толпа «алланджей» и отправляется въ Персію или Бухару, расхищая по пути караваны. Тамъ они дерутъ всѣхъ безъ разбора нагайками, рѣжутъ головы за слабую попытку къ защитѣ, жгутъ, грабятъ и, нагруженные добычей, возвращаются домой, гоня передъ собой

толпу скованныхъ цѣпями плѣнныхъ, за которыхъ въ послѣдствіи требуютъ большой выкупъ или продаютъ какъ скотъ на своихъ рынкахъ. Особенно страдали отъ тѣкинцевъ ихъ ближайшіе сосѣди, несчастные персы, къ враждѣ съ которыми примѣшивалась и религіозная рознь, такъ какъ персы — шіиты, а тѣкинцы — суниты. Но не смотря на дикость, въ характерѣ тѣкинцевъ есть и симпатичныя черты: они не пьютъ, хорошіе мужья и отцы, прямодушны, твердо держатъ свое слово и высоко цѣнятъ храбрость и энергію. Очень вѣроятно, что съ развитіемъ между тѣкинцами просвѣщенія, изъ нихъ выйдетъ порядочный народъ; но до сихъ поръ они были такъ дики, что отъ сосѣдства съ ними страдала торговля Персіи и Бухары, а также не мало терпѣли и наши караваны. Унять разбойниковъ только и было возможно силой оружія: иного убѣжденія они не понимали.

И вотъ, въ 1879 г., тѣкинскій оазисъ облетѣла тревожная вѣсть, что Бѣлый Царь посылаетъ свои войска для прекращенія «алламанства» и торговли рабами. Дикари встрепенулись и принялись строить и исправлять свои глиняныя укрѣпленія, центромъ которыхъ была Геокъ-Тэпе — обширная крѣпость, обнесенная высокими стѣнами, валами и рвами. Въ нее тѣкинцы свезли все свое имущество изъ ближайшихъ селеній, своихъ женъ, дѣтей, и защищались съ такой отчаянной храбростью, что отбили всѣ приступы русскихъ и принудили ихъ отступить. Такимъ образомъ, первая тѣкинская экспедиція, стоившая намъ многихъ жертвъ, кончилась полнѣйшей неудачей. Дикари торжествовали и принялись разбойничать больше прежняго; но скоро наступилъ

конецъ ихъ грубому произволу. Въ апрѣлѣ 1880 г., по оазису разнесся слухъ, что русскій Царь снова шлетъ войска подъ начальствомъ самаго храбраго— «бѣлаго генерала», для покоренія и наказанія разбойниковъ. На этотъ разъ тѣкинцы не струсили: первый успѣхъ пробудилъ въ нихъ надежды на новую удачу, они вѣрили въ неприступность своей крѣпости. Съ нетерпѣніемъ ожидали они русскаго генерала, заранѣе порѣшивъ прогнать его непременно; но тотъ долго не являлся подъ стѣнами ихъ знаменитой крѣпости. Онъ строилъ въ это время желѣзную дорогу отъ Михайловскаго залива, скупалъ верблюдовъ, обдумывалъ вопросы о водѣ и продовольствіи, участвуя лично во всѣхъ рекогносцировкахъ. Проѣхавъ иногда верстъ 100 верхомъ по страшной жарѣ, генералъ останавливался и сейчасъ же принимался за письменныя дѣла, тогда какъ его спутники ничего не могли дѣлать отъ утомленія. Наконецъ, въ ноябрѣ, генералъ Скобелевъ появился съ своими войсками предъ глазами непріятеля и расположился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости. Скоро тѣкинцы замѣтили, что земляныя насыпи, за которыми скрывались русскія войска, постепенно придвигаются къ крѣпости. Это беспокоило дикарей болѣе, чѣмъ стрѣльба изъ орудій: такого страннаго нападенія они не ожидали. Чтобы помѣшать работамъ непріятеля, они стали дѣлать ночныя вылазки, дрались отчаянно, но не могли прогнать «бѣлаго генерала». Въ январѣ, русскіе подошли уже къ самымъ стѣнамъ крѣпости и начали копать мины, чтобы взорвать ее. Осажденные и осаждающіе измучились до послѣдней степени; семьи тѣкинцевъ страшно страдали отъ бомбардировки,

а въ русскомъ лагерѣ истощились запасы и солдаты, изнуренные земляными работами и ночными битвами, едва двигались. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали приступа, къ которому готовились почти 9 мѣсяцевъ. «Бѣлый генераль» подавалъ примѣръ твердости и неутомимой дѣятельности. Похудѣвшій и блѣдный, онъ безпрестанно появлялся то здѣсь, то тамъ, всегда веселый, съ ласковой и ободряющей рѣчью. «Скобелевъ идетъ!» говорили, оживляясь, солдаты. «Здорово, молодцы ширванцы!» раздавался его могучій голосъ. Молодой начальникъ проходилъ по траншеямъ, не сгибая головы подъ выстрѣлами, порой останавливаясь, чтобъ сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе; по его слову солдаты опять готовы не спать, не отдыхать, копать безъ устали и умирать безропотно... Наконецъ, насталъ давно ожидавшійся день штурма! Все было готово, и 12-го января приказано взорвать крѣпость. На послѣднее предложеніе сдаться, дикари отвѣчали упорнымъ отказомъ, и въ тотъ день, когда Москва праздновала основаніе своего университета, на дальнемъ Востокѣ уничтожена власть дикарей во имя правды и цивилизаціи...

Страшный взрывъ и паденіе стѣны не надолго испугали тѣкинцевъ: они быстро схватились за оружіе и дорого продали свою свободу. Русскимъ пришлось брать съ бою каждый шагъ внутри крѣпости; не обошлось безъ большихъ потерь, но все-таки кончилось тѣмъ, что тѣкинцы бросили свои семьи и побѣжали изъ крѣпости, преслѣдуемые русскими. Побѣдителямъ досталась богатая добыча, состоявшая изъ оружія, превосходныхъ лошадей, ковровъ, шалей, бирюзы, денегъ и пр. и пр. Рабы и плѣнники были

отпущены на свободу. Не мало затрудненія представляли толпы плачущихъ женщинъ и дѣтей, оставшихся въ крѣпости. Имъ отвели особый лагерь, а многихъ осиротѣвшихъ дѣтей разобрали солдаты и офицеры, по примѣру начальника, который взялъ маленькую дѣвочку и назвалъ ее Таней *), въ память того, что крѣпость взята въ Татьянинъ день. Воины, такъ недавно сражавшіеся съ ожесточеніемъ, кротко и гуманно обращались съ побѣжденными, а дѣтей страшно баловали и ходили за ними, какъ няньки. Одинъ офицеръ взялъ мальчика лѣтъ десяти. «Вотъ, говорилъ онъ, зашедшему въ его палатку товарищу: приведи ко мнѣ мальчика, — должно быть, сирота. У поручика П. мальчикъ помоложе и красивый, но избалованный... Нарядили его въ шелковый халатъ и кормятъ цѣлый день орѣхами, какъ индюшку... Нѣтъ, я веду своего не такъ; баловать дѣтей не слѣдуетъ»... Въ эту минуту, мальчикъ проснулся; офицеръ началъ гладить его по головѣ. — «Ну, что, Абдуррахманъ? спрашивалъ онъ ласково: чаю хочешь? баранины хочешь? или орѣховъ дать?» Добрый воинъ забылъ, что сейчасъ только осуждалъ баловство.

Вѣсть о паденіи неприступной Геокъ-Тѣпе разнеслась по всему оазису. Тѣкинцы признали въ своемъ пораженіи волю Аллаха и покорились безъ боя; къ тому же геройская храбрость Скобелева и всего русскаго войска заставила ихъ съ уваженіемъ смотрѣть на своихъ побѣдителей. Слѣдующій случай сдѣлалъ еще популярнѣе среди тѣкинцевъ имя «бѣлаго генерала». Черезъ нѣсколько дней послѣ взятія

*) См. разсказъ д-ра Щербака: «Исторія одной тѣкинской дѣвочки», № 9, стр. 228.

Асхабада, Скобелевъ, во время рекогносцировки, встрѣтилъ значительную толпу конныхъ людей. «Кто вы такіе?» спросилъ онъ. «Мирные тѣкинцы», отвѣчали они. «Какъ я повѣрю этому, когда вы вооружены?» «Тѣкинецъ никогда не лжетъ», гордо возразилъ одинъ. «Хорошо, если такъ, вы проводите меня до Асхабада». И съ этими словами, Скобелевъ, отпустивъ свой военный конвой, отправился къ Асхабаду, окруженный кучкой разбойниковъ, которые незадолго передъ тѣмъ отчаянно дрались подъ Геокъ-Тэпе. «Урусъ (русскій) храбрый воинъ и хорошій человѣкъ», говорили тѣкинцы. Они послали къ Скобелеву почетную депутацію отъ разныхъ племенъ, состоявшую изъ старыхъ тѣкинцевъ. «Чего вы желаете?» спросилъ ихъ побѣдитель. — «Пришли просить прощенія у твоей милости, сардаръ!» — «Всѣхъ васъ прощаю. Надѣюсь, что вы будете жить теперь мирно, трудиться и богатѣть, бросите ваши грабежи и разбойничество. Алламану конецъ! Я не хотѣлъ войны и три раза предлагалъ вамъ миръ; вы не согласились—сами виноваты! Ну, теперь все кончено; будемъ вмѣстѣ стараться поправить дѣло. Оставайтесь покорны Государю и онъ вамъ поможетъ въ несчастіи; а теперь пусть всѣ селятся на своихъ мѣстахъ».

Такъ, по волѣ Государя, «бѣлый генералъ», ставъ во главѣ беззавѣтно-преданнаго ему храбраго русскаго воинства, положилъ предѣлъ «алламану». Права сильного, права дикаго произвола не господствуютъ уже въ тѣкинскомъ оазисѣ, и теперь, какъ персидскіе, такъ и русскіе караваны спокойно двигаются по степи, не рискуя быть перерѣзанными.

Е. Н. Александрова.